

Джозеф Шеридан Ле Фаню Белая кошка, проклятие Драмганниола

«Глаза мертвецов: Антология ирландских рассказов о призраках»: Азбука-классика;
Санкт-Петербург; 2008
ISBN 978-5-91181-809-8

Аннотация

Фермер Коннор Донован, человек злобный и черствый, бесчестно обошелся с красавицей Элен Коулмен, и та умерла от горя и позора. С тех пор представителей рода Донованов преследует злое призрачное существо в облике белой кошки, предвещающее смерть.

Джозеф Шеридан Ле Фаню Белая кошка, проклятие Драмганниола

Все мы еще в детстве слышали сказку о белой кошке. Но сейчас я поведаю вам историю о другой кошке, совсем не похожей на прекрасную заколдованную принцессу, что провела в кошачьем обличье одно лето. Белая кошка, о которой пойдет речь, — тварь куда более злое существо.

Путник, направляющийся из Лимерика в Дублин, оставив по левую руку холмы Киллалоу и заведя впереди очертания высокой горы Кипер, шагает вдоль гряды низких холмов, которые справа постепенно подступают все ближе и ближе к дороге. Рядом слегка идет под уклон равнина, тоже холмистая и лежащая чуть ниже дороги, а несколько унылую и печальную местность расцветивают отдельные живые изгороди.

Одно из немногих жилищ на этой уединенной равнине, над которыми поднимается торфяной дым, — это небрежно крытый соломой, с земляным полом дом «крепкого фермера», как называют наиболее преуспевающих среди арендаторов земель в графстве Манстер. Дом этот стоит посреди купы деревьев, на берегу извилистого ручья, примерно на полпути между горами и дорогой на Дублин, и на протяжении многих поколений его арендует семейство Донован.

В этом отдаленном уголке я намеревался изучить старинные ирландские предания, которые случайно попали мне в руки, и потому стал наводить справки об учителе, способном

давать мне уроки ирландского. В качестве наставника мне порекомендовали некоего мистера Донована, мечтательного, тихого, весьма ученого человека.

Я узнал, что он кончил курс стипендиатом в Тринити-колледже¹ в Дублине. Сейчас он учительствовал, и область моих научных интересов, полагаю, чрезвычайно льстила его национальному самолюбию, поскольку он доверился мне, поделившись со мною своими сокровенными мыслями и воспоминаниями детства о жизни в ирландской глубинке. Именно он рассказал историю, которую я намерен поведать как можно точнее, стараясь ничего не изменить.

Я своими глазами видел старую ферму, стоявшую в саду, посреди огромных замшелых яблонь. Я рассматривал странный пейзаж: полуразрушенную, утопавшую в плюще башню, двести лет назад служившую убежищем в случае вторжения разбойников и до сих пор возвышавшуюся в углу гумна, поросший кустарником курган, в какой-нибудь сотне шагов напоминавший о деяниях древнего, исчезнувшего народа, очертания темной, величественной горы Кипер вдаль, одинокую полосу колючего утесника, окаймлявшую ферму, вересковые холмы, словно очерчивавшие ее границы, кое-где серые камни и купы карликовых дубов и берез. Сама уединенность фермы превращала ее в место, где вполне могли разыграться странные, сверхъестественные события. Я вполне понимал, что этот таинственный пейзаж, предстающий взору то в сером свете зимнего утра, то под необозримым снежным покровом, то в печальном блеске осеннего заката или в прохладных лучах луны, способен развить в человеке столь мечтательном, как достойный мистер Донован, склонность к суевериям и фантастическим видениям. Однако могу поклясться, что никогда не встречал человека более бесхитростного и честного, и потому полагаюсь на него всецело.

— Мальчиком, живя среди родных на ферме в Драмганниоле, рассказывал он, я обыкновенно брал «Историю Рима» Голдсмита² и отправлялся читать на свой любимый плоский камень, скрытый ветвями боярышника, на берег большого глубокого пруда, из тех, что мы называем «лох», а англичане, я слышал, именуют каровыми озерами. Озерцо это лежит в небольшой низине, на поле, окруженном с севера фруктовым садом, и своей уединенностью как нельзя более подходило для моих ученых занятий.

Однажды, когда я, как обычно, сидел на своем камне, чтение наскучило мне и я принялся разглядывать окрестности, воображая, как в них разыгрываются героические сцены, о которых я только что прочел у Голдсмита. И тут я увидел, что из сада выходит какая-то женщина и начинает спускаться по склону. Уверяю вас, в тот миг я пребывал в столь же здравом уме и твердой памяти, что и сейчас. На женщине было длинное легкое серое платье, столь длинное, что стлалось по траве, и в наших краях, где женский наряд неизменно шьется по раз и навсегда установленным правилам, весь ее облик показался мне столь необычайным, что я не мог оторвать от нее глаз. Шла она, наискось пересекая широкое поле, никуда не сворачивая.

Когда она приблизилась, я заметил, что она босая и что взгляд ее, казалось, прикован к какому-то отдаленному предмету. Она вышла бы прямо на меня, если бы не озерцо ярдах в десяти от моего камня. Однако, вместо того чтобы остановиться на берегу, как я ожидал, она двинулась дальше, видимо не осознавая, что идет по поверхности воды, и так шла и шла, не замечая меня, пока не поравнялась со мной примерно там, где я и думал, и не миновала меня.

От ужаса я едва не лишился чувств. В ту пору мне было всего лишь тринадцать, но я помню все до мельчайших подробностей, словно это произошло вчера.

Призрачная женщина беззвучно проскользнула сквозь проход в дальнем конце поля и

¹ Тринити-колледж (или Дублинский университет) — главное высшее учебное заведение Ирландии, где в XIX в. обучались преимущественно протестанты.

² Голдсмит Оливер (1730—1774) — англо-ирландский писатель, драматург, эссеист. Наиболее известные произведения — роман «Векфильдский священник» (опубл. в 1776 г.), комедия «Ночь ошибок» (1773), поэма «Покинутая деревня» (1770).

исчезла. Не знаю, как я добрался до дома... Я испытал такое потрясение, что в конце концов заболел нервической горячкой, почти месяц пролежал в постели и ни минуты не мог пробыть в одиночестве. С той поры я обходил то поле стороной — столь велик был ужас, который оно мне внушало. Даже сейчас, по прошествии многих лет, я не люблю бывать там.

Появление призрака я связывал с одним загадочным событием, а также со злым роком или, лучше сказать, семейным проклятием, уже восемьдесят лет тяготевшим над нашей семьей. Это не пустой вымысел. Историю эту в наших краях слышал каждый, и никто никогда не подвергал сомнению, что виденный мною призрак с нею связан.

Расскажу вам все, что я об этом знаю.

Однажды, когда мне было четырнадцать лет, то есть примерно через год после того, как мне явился призрак у озера, мы поздно вечером дожидались возвращения моего отца с ярмарки в Киллалоу. Матушка не ложилась спать, чтобы встретить его, а я составил ей компанию, ведь я ничего так не любил, как подобные бдения. Мои братцы и сестрицы и все слуги, кроме мужчин, перегонявших вместе с отцом скот с ярмарки, давно спали. Мы с матушкой сидели у очага, разговаривали о том о сем и разогревали на огне отцовский ужин. Мы знали, что он вернется раньше работников, которые гнали купленный скот, ведь он поехал верхом и обещал, что только проследит, как они выйдут на дорогу, а потом оставит их и быстро поскачет домой.

Наконец мы услышали его голос, отец постучал в дверь тяжелым кнутовищем, и матушка поспешила отворить. Полагаю, что никогда не видел отца пьяным, а этим могут похвастаться лишь немногие люди моего поколения. Но стаканчик виски он пропустить мог и обычно возвращался с ярмарки или с рынка разгулявшимся, с веселым блеском в глазах, в самом добром расположении духа.

Однако в тот день он показался мне бледным, подавленным и печальным. Он вошел, держа в руках седло и уздечку, положил их на пол, прислонив к стене, возле двери, обнял жену и нежно поцеловал.

— Добро пожаловать, Михол, — сказала она, в свою очередь его целуя.

— Храни тебя Господь, маворнин³, — ответил он.

И, еще раз обняв ее, он обернулся ко мне, ведь я тянул его за руку, тщаь привлечь его внимание. Я был невысок и худ для своих лет, он легко поднял меня на руки и поцеловал, а я обнял его за шею.

— Запри дверь на засов, акушла⁴, — попросил он мать.

Матушка заперла дверь, а отец, с весьма подавленным видом опустив меня на пол, прошел к огню, сел на низкий стульчик и вытянул ноги поближе к тлеющему торфу, облокотившись на колени.

— Приободрись, Мик, душа моя, — сказала встревоженная матушка, — расскажи мне, хорошо ли ты продал скот, все ли удачно прошло на ярмарке и не был ли лендлорд чем недоволен... Что-то тебя опечалило, Мик, сердце мое?

— Ничего, Молли. Коров я продал удачно, слава богу, да и с лендлордом не повздорил, все как надо, грех жаловаться.

— А раз так, Микки, то принимайся-ка за еду, ужин стынет, и скажи нам, нет ли каких новостей.

— Я поужинал по дороге, Молли, и сейчас ни крошки съесть не могу, — ответил он.

— Поужинал по дороге, зная, что ужин ждет тебя дома и жена полуночничает! — с укором вскричала матушка.

— Ты меня не так поняла, — сказал отец. — Тут со мной такое случилось, что я ни кусочка проглотить не в силах, и я не стану темнить, Молли, ведь, может быть, мне и жить-

³ Mavourneen (ирл.) — моя милая, душенька.

⁴ Acuishla (ирл.) — дорогая (дорогой), душа моя.

то осталось всего ничего, так что я сразу скажу все как есть. Я видел белую кошку.

— Господь да хранит нас от всяческого зла! — побледнев, воскликнула матушка, явно потрясенная этим известием, но тотчас же попыталась овладеть собой и со смехом добавила: — Да ты со мною шутки шутить вздумал. Вот ведь в прошлое воскресенье в силки в лесу Грейди попался белый заяц, а Тиг вчера видел на гумне большущую белую крысу.

— Да не заяц это был и не крыса. Неужели я, по-твоему, зайца или крысу от огромной кошки не отличу? Глаза зеленые, не меньше полупенсовой монеты, спину выгнула, сначала все трусила рядом со мной, а потом бросилась мне наперерез, того и гляди, если остановлюсь, начнет тереться о лодыжки, а то еще прыгнет и вцепится в горло. А может, это и не кошка вовсе, а кое-что похуже?

Вполголоса описав эту тварь, отец усталился прямо на огонь, раз-другой отер ладонью со лба холодный пот и тяжело вздохнул или, скорее, застонал.

Матушку снова охватил страх, и она принялась молиться. Я тоже был сильно напуган и едва сдерживал слезы, потому что знал все об этом ужасном призраке.

Похлопав отца по плечу, чтобы как-то ободрить, матушка склонилась к нему, поцеловала и наконец разрыдалась. Он судорожно сжимал ее руки, и казалось, его снедает тревога.

— А когда я входил в дом, никакая тварь тут со мной не прошмыгнула? — украдкой спросил он меня.

— Нет, батюшка, вы только седло и уздечку принесли.

— Выходит, ни одна тварь сюда не проскользнула, — повторил он.

— Стало быть, так, — отвечал я.

— Оно и к лучшему, — откликнулся он, перекрестился, стал что-то бормотать про себя, и я понял, что он творит молитву.

Подождав, пока он прочитает молитву, матушка спросила, где именно повстречалась ему белая кошка.

— Когда я ехал по борину, — (так в Ирландии называют узкую тропу, вроде тех, что обыкновенно ведут на ферму), — то вспомнил, что работники гонят скот по дороге и за конем присмотреть некому. Вот я и подумал, стреножу-ка я его на маленьком поле, он ведь не разгоряченный, ехал-то я потихоньку, чуть ли не поводья опустил. И вот расседлал я его, снял уздечку, стреножил и смотрю — эта тварь как выскочит из придорожных лопухов и бросилась прямо мне под ноги, я опешил, а она эдак вышагивает впереди меня, а потом раз — и обратно, ко мне, и стала эдак заходить то справа, то слева, и все глядит на меня горящими глазами. Мне даже послышалось, будто она зарычала, а сама все не отступает, и так до тех пор, пока я не добрался до дома, сам не свой, и не постучался в дверь.

Почему же в столь незначительном происшествии мой отец, матушка, я сам и все члены нашего крестьянского семейства увидели ужасное предзнаменование? Потому что все мы без исключения верили, будто отцу моему в облике белой кошки было ниспослано предвещание скорой смерти.

До сих пор появление этого зловещего призрака всегда предвещало смерть. Так случилось и на сей раз. Примерно неделю спустя мой отец заболел лихорадкой, которая в ту пору косила в наших краях народ направо и налево, и менее чем через месяц скончался.

Тут мой достойный друг Дэн Донован замолчал, и я заметил, что он беззвучно шевелил губами, и заключил, что он читает заупокойную молитву по усопшему.

Через некоторое время он продолжил.

— Вот уже восемьдесят лет нашу семью преследует этот призрак, появление которого предвещает смерть. Неужели восемьдесят? Да, пожалуй, даже не восемьдесят, а все девяносто. А я говорил со многими стариками, которые отчетливо помнили, какие события вызвали появление этого зловещего знамения.

Вот как это произошло.

В старину ферму в Драмганниоле арендовал мой двоюродный дед, Коннор Донован. Он был богаче моего отца и деда и особенно преуспел, когда взял в аренду на семь лет ферму в

Балрахане. Но деньги жестокое сердце не смягчают, а я боюсь, мой двоюродный дед был человеком злобным и черствым. К тому же был он по натуре развратен, а такие люди неизменно причиняют другим боль. Да и выпить любил, и стоило ему только разозлиться, как он пускался сквернословить и богохульствовать, нимало не заботясь о спасении своей души.

В те времена в семействе Коулмен, в горах неподалеку от Кэпперкаллена, выросла пригожая дочь. Я слышал, нынче нет более Коулменов — род их угас. Что и говорить, после Великого голода⁵ многое изменилось.

Звали ее Эллен Коулмен. Коулмены были небогаты. Впрочем, такая красавица, как Эллен, могла рассчитывать на хорошую партию. Однако выбрать худшую судьбу, чем она, бедняжка, сама выбрала, и впрямь трудно.

Кон Донован, мой двоюродный дед, — прости ему Господь! — не раз видел ее на ярмарках и храмовых праздниках и влюбился, да и как было в нее не влюбиться?

Но обошелся он с ней бесчестно. Обещал жениться и уговорил переехать к нему, но в конце концов не сдержал слова. Старая история, вы сами все понимаете. Она ему наскучила, а он мечтал выбиться в люди, вот потому и женился на девице из семейства Коллопи, за которой давали большое приданое — двадцать четыре коровы, семьдесят овец и двадцать коз.

Женился он на этой Мэри Коллопи и стал еще богаче, чем прежде, а Эллен Коулмен умерла от горя и позора. Но нашего фермера это нимало не опечалило.

Он хотел иметь детей, однако брак его остался бездетным, и это было единственным испытанием, выпавшим на его долю, потому что во всем прочем судьба к нему явно благоволила.

Однажды ночью он возвращался с ярмарки в Нинахе. В ту пору дорогу пересекал неглубокий ручеек — сейчас, как мне говорили, через него перекинули мостки, — и его русло часто высыхало в летнюю жару. Ручей близко подходит к старой ферме, русло у него прямое, неизвилистое, и потому, пересыхая, он превращается в узкую дорожку, и по нему удобно напрямик добираться до фермерского дома. Ярко светила луна, и мой двоюродный дед решил направить лошадь по этому сухому руслу, а когда поравнялся с двумя вязами у изгороди фермы, натянул поводья, повернул коня и поскакал по высохшему ручью, намереваясь проехать сквозь дальний проем в изгороди, под дубом, откуда до дверей дома оставалась какая-нибудь сотня ярдов.

Приближаясь к проему в изгороди, он заметил какую-то белую тень (хотя, возможно, она ему всего лишь почудилась), то медленно скользившую по земле, то передвигающуюся мягкими прыжками по направлению к проходу. По словам моего двоюродного деда, тень эта была невелика, не более его шляпы, но разглядеть ее очертания он не мог, понял только, что она словно проплыла вдоль изгороди и исчезла в проеме.

Однако, когда мой дед до него доскакал, лошадь вдруг заупрячилась. Он понукал и уговаривал ее, но все напрасно. Потом он спешился, подумав, что возьмет ее под уздцы, но лошадь захрапела, осела на задние ноги и затряслась. Он снова вскочил в седло. Но лошадь по-прежнему билась, не желая идти в проем, и противилась и ласке, и кнуту. В лунном свете можно было разглядеть каждую былинку, и мой двоюродный дед, не найдя, что так испугало лошадь, чрезвычайно рассердился. А так как до дома ему оставалось совсем немного, он был необыкновенно раздосадован и, потеряв терпение, принялся с проклятиями охаживать несчастную лошадь кнутом и вонзать ей в бока шпоры.

Внезапно лошадь одним прыжком ринулась в проем, и Кон Донован, пролетая под тяжелым дубовым суком, отчетливо увидел женщину, стоявшую на берегу ручья. В то же

⁵ Речь идет о Великом голоде, разразившемся в Ирландии в 1845—1850 гг. после неурожая картофеля и ставшем огромным бедствием из-за недальновидной экономической политики британских властей. Он явился истинной национальной катастрофой — унес жизни около миллиона ирландцев и заставил еще один миллион эмигрировать в США, Австралию и Новую Зеландию.

мгновение она протянула руку и ударила его по спине. От удара он упал на шею лошади, лошадь, обезумев, понесла галопом и так доскакала до самых дверей, где, дрожащая и взмыленная, остановилась как вкопанная.

Ни жив ни мертв, мой двоюродный дед вполз в дом. Он рассказал домочадцам свою историю, но кое-что утаил. Жена его не знала, что и думать. Однако она не сомневалась в том, что на мужа обрушилась какая-то напасть. Он был очень слаб, едва ворочал языком и умолял тотчас послать за священником. Укладывая его в постель, домочадцы обнаружили у него на плече, там, куда пришелся удар призрака, отпечатки пяти пальцев. Эти странные следы, по их словам весьма напоминавшие цветом отметины на теле убитого молнией, не исчезли до самой его смерти и вместе с ним скрылись в могиле.

Несколько придя в себя, он повторил собравшимся у его постели свою историю, словно предчувствуя приближение смертного часа, с тяжелым сердцем и нечистой совестью, но притворился, будто не видел лица призрачной женщины или, по крайней мере, не узнал ее. Никто ему не поверил. Больше, чем другим, он сказал священнику. Разумеется, ему надобно было открыть тайну и облегчить душу. Впрочем, он мог ни от кого ничего не утаивать — все знали, что он видел лицо покойной Эллен Коулмен.

С того дня мой двоюродный дед так и не оправился, превратившись в боязливого, молчаливого, сломленного человека. Зловещее происшествие случилось в июне, а осенью того же года он умер.

Конечно, были устроены поминки, как и пристало по богатому, «крепкому фермеру». Однако почему-то обряд прощания с покойным совершался не совсем так, как положено.

Обыкновенно тело усопшего помещают в самой большой комнате дома, служившей и кухней, и столовой. Но в этом случае, как я уже говорил вам, от привычных правил несколько отступили. Тело покойного поместили в маленькой комнатке, из которой дверь вела в большую. Во время поминок дверь эту не закрывали. Вокруг постели зажгли свечи, на столе разложили трубки и кисеты с табаком, а для тех, кто пожелает войти, поставили стулья и распахнули дверь пошире.

Обмыв и обрядив тело, на время приготовлений к поминкам его оставили в маленькой комнатке. После наступления темноты какая-то девица зашла туда за свободным стулом и тотчас с криком выбежала. Когда она немного отдышалась в противоположном конце столовой, то пробормотала, обращаясь к ошеломленной толпе:

— Чтоб мне пропасть, если покойник сейчас не приподнял голову и не уставился на меня глазами не меньше оловянной плошки, так в лунном свете и горят!

— Эреб⁶, вот глупая девка! Ты что же, совсем спятила? — возмутился один из работников, которых принято величать парнями, независимо от возраста.

— Полно, Молли, глупости болтать! Ты зашла в темную комнату из светлой, и это тебе только почудилось. Да и почему ты свечку не взяла, амадан?⁷ — спросила у нее подруга.

— Ну и что, ну не взяла я свечу, он все одно приподнялся в постели и как на меня уставится! А потом, клянусь чем хотите, гляжу, а рука у него вдруг стала расти, и вытянулась раза в три, и так шарит по полу, норовит схватить меня за ногу, — настаивала Молли.

— Что за вздор, Молли, зачем это ему тебя за ногу хватать, дурочка? — презрительно протянул кто-то в толпе собравшихся.

— Ну-ка, кто-нибудь, дайте мне свечку, ради всего святого, — прервала пререкания Сэл Дулан, прямая, сухоощавая и строгая старуха, читавшая молитвенник по усопшим не хуже священника.

⁶ Agha — ирландское междометие, выражает изумление, досаду, примерно соответствует русскому «это еще что?», «вот незадача».

⁷ Aumadhaun (ирл.) — безумец, безумная.

— Дайте ей свечку! — дружно провозгласили собравшиеся.

Но что бы они ни говорили, все явно побледнели и поутихли, когда двинулись в заднюю комнату следом за истово молившейся миссис Дулан, которая возглавляла это маленькое шествие, держа сальную свечку, точно тоненькую восковую.

Дверь была приоткрыта, как оставила ее испуганная девица, и, подняв свечу, чтобы лучше разглядеть комнату, старуха перешагнула порог.

Если мой двоюродный дед непостижимым образом и шарил рукою по полу, как уверяла Молли, то теперь он спрятал ее под саван, и потому миссис Дулан не грозила опасность споткнуться о нее и растянуться во весь рост. Но не успела она сделать и двух шагов со свечой, как вдруг остановилась и замерла сама не своя, не сводя глаз с постели, на которой лежал покойный.

— Господи спаси, миссис Дулан, пойдем отсюда, мэм, — прошептала женщина рядом с ней, схватив ее за платье и в испуге оттаскивая прочь, а те, кто толпился за их спинами, отпрянули, правильно истолковав их замешательство.

— Вишт⁸, что это вы расшумелись, а ну замолчите! — приказала миссис Дулан. — Я и собственного голоса не слышу от вашего гомона. И зачем пустили сюда кошку, чья она? — добавила она, подозрительно косясь на белую кошку, вспрыгнувшую покойнику на грудь. — Ну-ка унесите ее отсюда! — продолжала она, в ужасе от такого осквернения христианского обряда. — Уж сколько покойников я обмыла да обрядила, но такого не видывала. Хозяин дома лежит с медяками на глазах, а на грудь ему мерзкая тварь взгромоздилась, точно пак, прости меня, Господь, за то, что поминаю их в таком месте и в такой час! Ну-ка прогоните ее, кто-нибудь! А ну пошла прочь!

Собравшиеся повторяли это приказание один другому, но выполнять никто не спешил. Все крестились и шепотом делились своими опасениями и догадками, чья же это кошка, — ни в доме Донована, ни по соседству такой не было. Внезапно белая кошка перепрыгнула на подушку, устроилась возле головы покойного и, сидя там неподвижно, какое-то время, казалось, разглядывала его лицо горящими глазами, а потом мягко прокралась вдоль тела поближе к скорбящим гостям и хрипло, угрожающе зарычала.

Все в смятении кинулись прочь из комнаты, плотно захлопнув за собою дверь, и даже храбрейший не скоро решился хотя бы заглянуть в щелку.

Белая кошка по-прежнему сидела на груди мертвеца, затем прошла по постели, соскочила на пол и под саваном, спускавшимся почти до пола, точно одеяло, исчезла с глаз.

Молясь, осеняя себя крестным знаменiem и не забыв окропить дверь святой водой, домохозяды и гости заглянули в комнату, а потом, осмелев, всю ее обыскали, тыча под кровать лопатами, хлыстами и вилами. Однако кошку так и не нашли и заключили, что она, должно быть, прошмыгнула у них под ногами, пока они толпились на пороге. Поэтому они тщательно заперли дверь на засов и на висячий замок.

Но, отворив дверь на следующее утро, они обнаружили, что кошка как ни в чем не бывало сидит у мертвеца на груди.

Вчерашняя сцена изгнания демона повторилась почти без изменений, вот только некоторым почудилось, будто кошка забилась за большой сундук в первой, проходной комнате, где мой двоюродный дед хранил договоры аренды и прочие бумаги, а также молитвенник и четки.

Миссис Дулан слышала, как призрачная кошка с рычанием ходит за ней по пятам, и, хотя не видела ее, почувствовала, как тварь запрыгнула на спинку стула, на котором она сидела, и громко завывала в самое ухо. Вскрикнув от ужаса, она вскочила и принялась творить молитву, ожидая, что кошка, того и гляди, вцепится ей в горло.

А церковный служка, заглянув за угол, заметил, как белая кошка уселась под ветвями старой яблони и стала неподвижно, не мигая смотреть на маленькое окно каморки, где

⁸ Whisht (*ирл.*) — тише.

лежало тело моего двоюродного деда, точно на птицу.

В конце концов, когда с покойным стали прощаться, кошку снова застали у него на груди, и, что бы ни делали домочадцы и гости, отогнать зловещую кошку от мертвеца им было не по силам. И продолжались появления белой кошки, став для одних соседей предметом досужих сплетен, а в других вселяя страх, до тех пор, пока наконец не открыли двери для поминок.

Мой двоюродный дед умер, был погребен с соблюдением всех надлежащих обрядов, и его история на этом завершается. Но история белого призрака имеет продолжение. Ни одна банши не связана столь нерасторжимо ни с одним ирландским родом, как этот зловещий призрак с моим. Но есть между ними и различие. Если банши искренне горюет об утрате, постигшей семейство, членам которого она является из поколения в поколение, и сочувствует ему, то тварь, преследующая мой род, исполнена неподдельной злобы. Она лишь вестник смерти. А то, что она принимает облик кошки, самого жестокого и мстительного животного, лучше всего свидетельствует о цели его появления.

Когда приближался смертный час моего деда, который в ту пору был еще крепок и бодр, белая кошка явилась ему при обстоятельствах, весьма сходных с теми, что сопровождали смерть моего отца.

Накануне того дня, когда погиб мой дядя Тиг — в руках у него разорвалось ружье, — она явилась ему вечером, в сумерках, у маленького озерца, на поле, где я, как уже упоминал, видел призрачную женщину, шедшую по воде. Мой дядя промывал в озере ствол ружья. Трава там невысокая, спрятаться негде. Он и не заметил, как подкралась белая кошка, — а она уже тут как тут, едва не трется о ноги, сердито выгнула спину, глаза у нее горят в сумерках зеленым огнем, и как он ни старался, избавиться от нее не мог, она все крутилась поблизости, то удаляясь, то приближаясь, пока мой дядя не добрался до сада, и там она пропала.

Моя бедная тетя Пег, та, что вышла за одного из О'Брайенов и переехала в Улу, однажды пришла в Драмганниол на похороны кузины, умершей в деревушке в какой-нибудь миле от нас. И сама, бедняжка, умерла менее чем через месяц.

Возвращаясь с поминок, в два или три часа утра, она перебиралась через изгородь на ферму и тут заметила поблизости белую кошку, которая ни на шаг от нее не отставала. Моя бедная тетя едва не лишилась чувств от страха, кое-как добежала до двери, и там кошка вскарабкалась на боярышник возле самого крыльца и пропала.

Моему маленькому братцу Джиму тоже суждено было увидеть белую кошку, ровно за три недели до смерти. Любой член нашего семейства, умирающий или неизлечимо болевающий здесь, в Драмганниоле, непременно видит перед кончиной белую кошку, а увидев, знает, что жить ему осталось недолго.